

Нина Самойлович

Стихи 1977 года

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Такая ночь слетит на Ленинград,
подобная большой усталой птице...
Любимый мой, как стремно спохватиться,
разведаться, броситься назад

по улицам расплывчатым и строгим.
В слепой воде, в желеной божесие
случайных боли и радость и тревога
запрут в душе, как птицы в западне.

Остановись, припомни, что когда-то
в такую ночь нам чудилось одно:
пять ангелов в спячествие крылатом
вознесется кль надеят на дно

любви и сна. Все повторится снова.
Наполнятся мушкетер Давид,
в немой ночи тоскующее слово
еще не раз тревогу возродит

над городом, нывущим по теченью,
над тенью ускользнувшего коня,
над женщиной, метнувшейся за тенью,
над радостью, покинувшей меня.

2.

Приходит ночь, уходит странный день.
Днянь коротка, а ночь еще короче.
Есть где-то лес, в лесу кричит олень,
кричит олень вред наступленьем ночи.

Как грустно все. Оленья влажный мех
начнет тускнеть. Как странно все движет.
Друг друга встретим - забываем всех,
расстанемся - друг друга забываем.

Но погоди, коснусь твоей щеки
и желтых век — они невольно вздрогнут...
Кричит олень у бархатной реки,
и крик его, как рог его, взогнут...

4.

Вокзал подарит дрожь и сузгу,
остановки и узаконив жалость,
он напьянет. Я в глубь его пройду,
на тот перрон, где твоя осталась.

Сквозь жарено монетного двора,
на тот перрон, где сирость, гарь и вечер
переплелись, где время до утра
отмерит нам невидимый диспетчер;

где помисли, как проблески — не лгут,
где, Господи, в Твоей промисли мы верим;
где путник отрывается от пут,
но не открыть закрывшиеся двери;

где движутся вагонные ряды,
как будто край огромной верусали,
а маленькое зеркальце воды
чернит бетон и не имеет цели;

где поцелуй оторванный прожит
и царствует в татарском хороме,
а тайное прикутотстве Аляит
на князь с словидением наводит;

и чудится диковинный тотем,
столетние оземелья пробуждая.
...А песенка Офелии над всем
в бессмертьи и беспамитотстве слухдает.

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Я радуюсь румяницу на щёке,
горячему жаровному загару,
полюски тёплой, вянущей в руке.
На Кара-Даг зелёная отара
в завидном миролюбии бредёт,
от ветра воздух кажется упругим
и потоку естественным полёт
над берегом, где водорослей дуги
связают изумрудных крепких мух
в коричневую терпкую утробу.
Пучок поляны так горяч и сух —
натри ладонь и оглянись вокруг,
и восхитись, и промолчать попробуй.
Вон дельтоплан неровный чертит круг,
вон рыбаков кораблик поднимает,
вон белый домик окнами на юг,
там женщина урны перебирает.
А дельтоплана жёлтое пятно,
меняя фон, сближается с долиной,
и замерла зелёные равнины,
и женщина захлопнула окно.

3.

Закурю панировку, заставляю себя подождать
и, наперснее, вам расскажу о вечерней прогулке:
так журчали сандалям о тёплый асфальт, о каздек,
что хотелось свернуть в переулоч, но нет переулочка.

Пропавши, пропавши, в беспокойной аллее смеюся,
потеряю себя, возвращая случайные взгляды,
задевая рукой о кустарник — на пальцах пухок
остается пыльцой насекомых или жёстость льда.

Уходя — уходи, что, увы, уйдет не нам.
Я, конечно, вернусь, собирая по бусам мыслишки.
Остывающий пляж, то захлывнет, то схлывнет волна,
заворкует в камнях и ведохнет о ночной передышке.

Полнолуния плуг, косеночка, небесный паук,
мал и светел его на волне волосок оголенный,
солончет песок, собирая то влагу, то звук,
на морском берегу и улыбка сложилась соленой.

Мой теленок бежит и спешит превратиться в быка,
калокольчик звенит и пытается в голос пропавнуть.
Если что-то легко, то, наверно, улыбка легка —
так случает ее, как она успевает возникнуть.

х х х

Как описать уныние тех рыб,
что спят во льду с жучками водяными
у белых глаз, с травниками речными?
Но в зелени полупрозрачных глыб
не разглядеть жучков, травников, рыб,
хоть глыбы и хранят лучи дневные.

Я в этом мире, кажется, хочу
в своей реке, от холода бледнее,
заледенеть, но я не леденею.
Так замолчу — я даже не молчу,
так умереть — не смерти я хочу,
а спать в реке, похожей на аллею.

Я, видит Бог, никто не разглядит,
как сердце спит — оно, как рыба, спит.

х х х

Здесь пыльно все: и травы, и листья,
в ивеновой кроне крестят жестокость,
поторопясь, возьми меня под локоть,
и распахну мы придем на острова.

К рассвету мы придем на острова.
На западе зеленая полоска
воню цветет и, вылезая из взока,
стоит восток у каменного рва.

Стоит восток у каменного рва,
подчеркивая города провалами,
в кольце картин у каменного бала
глядится страх и выносятся колья.

Глядится страх и выносятся колья.
На берегу, у мертвого острога
сушится и горбится дорога —
здесь место встреч, здесь выцвела трава.

Здесь место встреч, здесь выцвела трава.
Пора любви здесь кажется короче,
чем эта ночь, а выцветшие ночи
короче сна, что помнится едва.

Короче сна, что помнится едва.
Кирпичных стен и рва светлее копоть,
потерявшись, возьми меня под асфальт,
к рассвету мы придем на острова.

х х х

Стунай джоней, на солнце ты не та.
Али тамноты, как жгут преобразования,
чтоб в сумерках собственного броженья
смыть с лица последние года.

Кусток сентябрь, и мятой карамели
антарный свет остыл и жизнь проста,
но в нестроте и трепете листа
есть привкус экой той слабости и прели,

что в смерти есть. Бездушна и робка
скользит зима над облаком вечерним,
там ночь длинней — здесь преданность ущербней,

там рвется нить — здесь падает руина.

Скользят зима все ближе и проворней,
вглядись туда — губителем простор
для тех из нас, чей вымысел хитер,
любовь проста, а ненависть докорма.

Ступая домой, октябрь не торопая,
оцепенев, пугаясь пробужденья,
в колодцах сна, лишённые движения,
бессильны все, познанные себя.

х х х

1.

Одновременно горько и легко
с пустой душой на корабле военном
по жизни плыть, оставив далеко
тебя, себя теряя во вселенной.
Судьбы твоей едва приметен след,
как бы волос едва коснулась проседь.
В твоём саду, лого там только нет!
Нет никого и сад не плодоносит.

2.

Будит фонарь, засиявший тьму,
тому — любовь, тому — морозу блуда,
тому — печаль, тому — подобье чуда,
тому — покой, а счастье — никому.
Урачат ночь и деревья, и торьму,
и настуха, и настобиде, и стадо,
и кладбище неварачную ограду
в прозрачную стремную суму,
схоронит все, но другу моему
не принесет ни грусти, ни отрады,
ни отдыха — все это ни к чему.
Кну теперь в пустоцветенье сада
ни забытья, ни взыти не надо,
а сада нет, все падает во тьму.